

**Альфеус
Верилл**

***ВНУТРЕННИЙ
МИР***

**Перевод
Ольги Курмак**

Альфеус Верилл
Внутренний мир

«Автор»

2026

Верилл А.

Внутренний мир / А. Верилл — «Автор», 2026

В книге читатель сталкивается с парадоксальной идеей: Земля — не твёрдая сфера, а полая оболочка с обитаемым внутренним миром. Доктор Турлоу, чьи смелые теории часто вызывали насмешки, доказывает гипотезу наглядным экспериментом. Рассказчик относится к затее скептически — пока не получает загадочную посылку с почерком пропавшего друга. Послание — первый намёк на то, что Турлоу не просто верил в свою теорию, а, возможно, воплотил её в жизнь.

© Верилл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Демонстрация доктора Турлоу	5
Глава 2. Любопытный документ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Альфеус Верилл

Внутренний мир

Глава 1. Демонстрация доктора Турлоу

Исчезновение доктора Турлоу не вызвало особого ажиотажа в мире. Стоит известному банкиру, политику, коммерсанту, актеру, спортсмену, боксеру-призеру или даже известному мошеннику умереть или таинственно исчезнуть, и пресса тут же разнесет эту новость по всему миру. Этого хватит на несколько дней чтобы обсуждать новость. Но когда то же самое случается с каким-нибудь выдающимся ученым, этому событию посвящают, самое большее, колонку, и через несколько дней о нем забудут, и, скорее всего, ни один человек из тысячи не сможет сказать вам, кем был пропавший, что он делал и что изучал. Ученых считают в лучшем случае странными существами. Они выделяются из общего ряда и неподвластны тем же правилам, реакциям и поведению, что и обычные смертные. А когда ученый имеет привычку стремительно уноситься на край света, не оставляя после себя ни адреса, ни весточки о своем возвращении, общественность едва ли можно винить, когда она отказывается радоваться или даже интересоваться, когда отсутствие этого ученого длится месяцами. Итак, когда мой друг Турлоу внезапно исчез и в течение нескольких месяцев не поступало никаких известий о его местонахождении. Мало кто, за исключением его друзей и некоторых коллег-ученых, обратил на это особое внимание. Даже я не был особенно встревожен или удивлен, когда впервые прочитал о том, что Турлоу пропал из своего дома и из мест, где он обычно появлялся (этот абзац появился в новостях Эссошиейтид Пресс, напечатанных в мадридской газете Эль Темпо, где я в то время находился). Я усмехнулся, вспомнив его последние слова, обращенные ко мне, и отметил про себя, что он наверное счастлив, отправившись в нору Холмса. И только когда я вернулся в Штаты после почти годичного отсутствия и обнаружил, что Турлоу все еще не найден, я понял, что он на самом деле исчез, как будто его поглотила земля. Это было три года назад, и с того дня и по настоящее время от него не было ни весточки, не было найдено ни малейшего следа ученого.

Никто не мог предложить разумного объяснения его исчезновению, пока я не получил странную металлическую сферу, найденную плавающей в Карибском море и содержащую поразительный документ, написанный рукой Турлоу.

А теперь, объяснив, как ко мне попало это удивительное послание, и рассказав о событиях, которые произошли в тот последний вечер, когда я беседовал с ним, я изложу странную историю, которая была записана на этих плотных тонких листах внутри конверта.

«Получите вы это когда-нибудь или нет, остается загадкой, - писал он после нескольких слов приветствия. - Но поскольку я выпустил около дюжины контейнеров, в каждом из которых есть дубликат этого документа, и я надеюсь, что хотя бы один из них в конечном итоге попадет в ваши руки. Прежде чем я начну рассказывать о своем опыте и описывать свое нынешнее окружение, позвольте мне предупредить вас, что ни вы, ни кто-либо другой в вашем прежнем внешнем мире не поверит в то, что я напишу. Вам и остальным это покажется слишком диким и невероятным. Меня заклеят либо как маньяка, либо как аутсайдера и отъявленного лжеца. Но если скептики изучат контейнер и материал, из которого он изготовлен, а компетентные химики и металлурги проанализируют металл, я думаю, что они, по крайней мере, будут убеждены в том, что эти объекты не появились ни из одной известной точки на поверхности земли. Но, в конце концов, на самом деле не имеет большого значения, верит кто-то моим заявлениям или нет. Я здесь и, похоже, останусь здесь до конца своих дней, что, боюсь, продлится недолго, и только потому, что я осознаю тщетность любых попыток вернуться на поверхность земли, я

прибегаю к этому средству общаюсь с вами, моим самым близким другом, и рассказываю вам и всему миру об удивительных открытиях, которые я здесь сделал.

Возможно, вы помните, что в тот последний вечер, на нашей встрече, я высказал предположение, что земля полая и заявил о своем намерении попытаться проникнуть внутрь. Ну, вот я здесь! Как именно я сюда попал - не имеет большого значения. На самом деле, я и сам с трудом могу рассказать об этом. Все это было слишком сумбурно, слишком кошмарно, чтобы доходчиво описать, и, кроме того, я на значительное время потерял сознание. Я не знаю, как долго – так что на самом деле я и сам не знаю точно, что произошло. Самым важным фактом является то, что внутри земли есть пустота и она обитаема. Но кем!!

Прежде чем я попытаюсь описать этих невероятных существ, позвольте мне начать с самого начала и рассказать о моем опыте, впечатлениях и наблюдениях в том порядке, в котором они происходили.

Когда я пришел в себя, моим первым осознанным впечатлением был обширный, тусклый, голубоватый туман. Мне показалось, что я лежу на каменном выступе. Совсем рядом, в нескольких футах над моей головой, поднимался крутой скалистый склон и исчезал во всепроникающей синеве. С другой стороны такой же крутой склон исчезал в бездонной голубой пропасти. Это было так, как если бы я парил в пространстве самого невероятного размера. Позже я обнаружил одну особенность. Хотя сначала это произвело на меня впечатление тумана, вскоре я увидел, что никакого тумана нет, атмосфера была темно-синего, почти цвета индиго, который совершенно невозможно точно описать. Это было похоже на ясную темную ночь на далекой Земле, если вы можете представить себе такую ночь, когда чернота сменяется интенсивной синевой. Но даже в самые темные ночи есть немного света. Лунный свет, слабый свет звезд, тусклый свет неба. Но здесь не было никакого света, не было видно ни звезд, ни луны, ни неба. Все же скалы вокруг меня были видны, я мог видеть свое собственное тело и конечности. Эффект был таким странным, что в течение нескольких минут я не мог думать ни о чем другом и остался сидеть на выступающем камне, разглядывая то, что меня окружало. Возможно, лучше всего я смогу описать этот эффект, сравнив его с картиной, написанной в одном из тех загадочно-сбивающих с толку монотонных синих цветов, на которых фигуры и другие объекты - просто тусклые, затененные формы более светлого оттенка. Последней особенностью, которую я неожиданно обнаружил, было то, что сделало его таким своеобразным. Моя одежда, моя кожа, скалы вокруг меня - все было голубым! Синий цвет разных оттенков - как на передержанной фотокопии, подумал я тогда, но каким-то образом создающий яркий эффект. Я поднялся и осторожно двинулся к скалистому склону. Мне хотелось побольше увидеть этот странный внутренний мир, и я понял, что для этого мне нужно подняться или спуститься по склону горы. Поднимаясь, я сделал поразительное открытие. Я уже говорил, что мне казалось, что я нахожусь в тумане, и, как в тумане, близлежащие предметы были видны, но блекли или расплывались во всепроникающей голубизне на небольшом расстоянии. И теперь, двигаясь, я с удивлением обнаружил, что туманная, более светлая сфера вокруг меня движется вместе со мной!

Это было в точности так, как если бы я нес фонарь в густом синем тумане. Когда я вытянул руку, сияние распространилось в том же направлении. Казалось, что мое тело излучает слабое свечение, как у светлячка. Я очень заинтересовался этим странным явлением. Я исследовал камни, и когда я обнаружил, что ни мое тело, ни моя рука - когда они находятся близко к камням или к моей собственной персоне - не отбрасывают тени. Когда я обнаружил, что ни один из предметов не имеет ни светлой, ни темной стороны, я, наконец, убедился, что свечение фактически исходит от меня самого и что такое же свечение исходит от скал. Достав из кармана нож, я бросил его на камень, лежавший в нескольких футах от меня. Место, где он лежал, было невидимо в глубокой темноте цвета индиго, но нож был отчетливо виден как голубоватый предмет, окруженный ореолом бледно-голубого оттенка. Я пределал то же самое с другими

предметами, и всегда с тем же результатом. Все, независимо от своего состава, светилось и делалось видимым в этом странном, почти неосознанном месте. Эффект был еще более жутким, чем само место. Без каких-либо зон света и тени здесь не было никакого эффекта округлости, никакого впечатления объема или толщины. Все выглядело двухмерным, плоским, как будто вырезанным из тонкой бумаги.

Расстояние тоже не оказывало никакого влияния. Я не мог сказать или оценить, находились ли камни на расстоянии шести дюймов или шести футов от моей руки. Насколько я мог судить, мои собственные ноги находились на расстоянии нескольких ярдов, и я громко рассмеялся над своими неуклюжими попытками дотронуться до собственных конечностей в определенном месте. Это было в точности так, как если бы существовало только два измерения, и на несколько мгновений я был почти убежден, что в этом примечательном месте нет третьего измерения, но вскоре я обнаружил, что это не так. Толщина ощущалась, даже если ее не было видно (или, лучше сказать это было заметно, когда смотришь прямо на объект), но при взгляде с другой стороны, толщина становилась очевидной, и вскоре я убедился, что весь этот загадочный эффект был результатом излучения света самой материей. Это было интереснейшее научное открытие, и я удивился, что никогда раньше не задумывался о том, что при одинаковом освещении всех частей объекта, он теряет всякий эффект визуальной плотности.

Но открытие, что каждый объект - по крайней мере, каждый доступный мне в тот момент - излучал свой собственный свет, было настолько удивительным и озадачивающим, что полностью завладело моими мыслями, когда я вышел из своего скалистого убежища и осмотрел крутые склоны в радиусе моего свечения. Какое-то время я колебался: подняться мне или спуститься? Что же было там внизу, а что над тем местом, где я стоял? Но мне не потребовалось много времени, чтобы принять решение. Если бы я спустился со склона горы и ничего не нашел хотя бы воды, - мне пришлось бы подниматься снова. Кроме того, при спуске я в любой момент мог наткнуться на невидимую пропасть и, таким образом, сразу же положил бы конец своим исследованиям. С другой стороны, если я поднимусь наверх и не найду ничего интересного там, я легко смогу снова спуститься, не упав в пропасть. Итак, медленно и осторожно я стал двигаться. Это было похоже на продвижение сквозь дымовую завесу. Я проверял каждый камень и поднимался все выше и выше. Я не знаю, как долго я шел. Мои часы остановились, и не было ни солнца, ни света, по которому можно было бы идти, но, насколько я мог судить, прошел примерно час, прежде чем я наконец достиг того, что оказалось вершиной. Во всяком случае, это был гребень, а на дальней стороне был второй крутой склон.

Рассудив, что я нахожусь в изоляции на вершине горы, окруженной бескрайним непроходимым морем темно-синей атмосферы, я понял, что с одинаковой вероятностью найду что-нибудь интересное как в одном, так и в другом направлении, и начал спускаться по этому новому склону. Это было довольно легко. На самом деле трудность заключалась в том, чтобы спускаться не слишком быстро. Вскоре, когда я поскользнулся и заскользил вниз, я заметил признаки растительности. Я говорю «растительность», но какое-то время я не мог распознать в этих предметах именно растения. Действительно, сначала я принял их за какой-то вид гигантских светлячков. Как и все предметы, они излучали голубоватый свет и двигались медленно, словно ползая по камням. Часто они также оставались и как будто стояли на голове. По размеру они варьировались от нескольких дюймов до пары футов или даже ярда в длину, а поскольку они тоже казались абсолютно лишены толщины, то создавали поразительный эффект нереальности происходящего. Приложив немного усилий - поскольку было невозможно определить, на каком расстоянии они находятся от меня, - я сумел схватить один из самых маленьких и, к своему крайнему изумлению, обнаружил, что это растение! В этом не было никаких сомнений.

Это несомненно имело растительное происхождение. Там были корни, толстый и мясистый стебель с несколькими грубыми листьями, растущими близко к нему, с бутонem или

семенной коробочкой - я не был уверен, что именно. Когда я держал странное создание в своих руках, оно извивалось и это вызвало у меня неприятное и отталкивающее ощущение. Его листья дрожали, стебель скручивался и изгибался, а на корнях я обнаружил крошечные присоски, которые цеплялись за мою руку и прилагали немалую силу, как будто пытались высвободиться. Я с удивлением наблюдал, как нечто, сидевшее на скале, довольно быстро удалялось с помощью своих корней, пока, достигнув расщелины, не встало дыбом и свернутые листья медленно не раскрылись.

Это было удивительное явление. Растение, которое обладало не только способностью к самостоятельному передвижению, но и разумом. И все же, продолжая свой спуск, я размышлял о том, почему бы таким растениям не быть здесь? Я вспомнил о чувствительных мимозах в тропиках, которые сворачивают свои листья и съеживаются при прикосновении или при приближении врага, реального или предполагаемого. Я вспомнил, как однажды, находясь в зоне Канала, я провел с ними целую серию экспериментов, как, прикоснувшись к одному и тому же растению повторно, не нанося вреда, я практически «приручил» ее, или, скорее, научил ее, пока она действительно не узнала меня и не позволила мне свободно «обращаться» с ней, не сворачивая своих листьев, хотя она мгновенно сморщивалась, если к ней прикасался другой человек. Фактически результаты этих экспериментов были изложены в монографии, которая в то время произвела настоящую сенсацию. И, в конце концов, был ли большой шаг от такого разумного растения, как тропическая мимоза, до растения, которое изо всех сил пыталось убежать, когда его держали? Я так не думал. Что касается способности растений двигаться, то эта способность меня не так уж сильно удивила.

Внезапно я резко остановился и в моем мозгу мелькнула дикая идея. Передвигались ли эти ходячие растения на земле быстрее, чем вьющиеся лианы? Неужели это было невозможно, ей-богу! Это было не только возможно, но и логично, я бы даже сказал, что весь эффект происходил в моем собственном мозгу. Пришедший из внешнего мира и привыкший измерять время исключительно по общепринятым земным стандартам, основанным на вращении земли, или, как мы выражаемся, по солнцу. Мой менталитет, естественно, был приспособлен, можно сказать, к внешнему земному времени. Но здесь, во внутреннем мире, где не было солнца и где у меня не было даже часов, чтобы ориентироваться, все относительное время было полностью потеряно. Затем, еще более невероятная мысль осенила меня. Скорость вращения здесь, внутри земли должна быть меньше, чем на поверхности. Я понятия не имел, каков может быть диаметр этой полости, но я подсчитал, основываясь на многочисленных экспериментах, что ее внутренний диаметр должен составлять приблизительно две тысячи миль.

В этом случае (мой мозг теперь работал быстро) длина окружности составляла бы приблизительно шесть тысяч миль, тогда как внешняя окружность Земли составляла бы приблизительно двадцать четыре тысячи (я опускаю точные цифры, чтобы сделать мое объяснение более понятным и не запутать вас математическими вкладами). Другими словами, внешняя окружность была бы примерно в четыре раза больше внутренней, и, следовательно, один полный оборот сферы, на который потребовалось бы двадцать четыре часа, или скорость в тысячу миль в час на поверхности, в пределах земли, означала бы скорость всего в две тысячи сто пятьдесят миль в час! Все независимые движения внутри полости, измеряемые по внешним земным стандартам, были бы в четыре раза быстрее, чем на поверхности земного шара! На самом деле, позже я обнаружил, что сильно ошибся в своих расчетах, как я объясню позже). Это было поистине удивительное состояние, которое я совершенно забыл принять во внимание, когда делал свои расчеты и планировал свой вход в этот внутренний мир. Неудивительно, что мое падение было хаотичным и кошмарным! Удивительно было то, что я не был уничтожен полностью. При той скорости, с которой я двигался, я, должно быть, разогнался до скорости пули, когда достиг внутреннего пространства.

И конечно теперь, размышляя я, мои движения были не более быстрыми, чем раньше. Я реагирую на движения всего остального вокруг себя по сравнению с тем, что было бы на поверхности. Но мои глаза, мой мозг, натренированные, приспособленные, привыкшие к движению относительно неподвижных объектов, все еще функционировали в старом внеземном режиме. Все это было в высшей степени ново и увлекательно, и когда я снова возобновил свой спуск, мне очень захотелось связаться с Эйнштейном и узнать, задумывался ли он когда-нибудь об этом во время своих исследований и разработки своих теорий относительности.

Поглощенный размышлениями об этих новейших открытиях, я обратил внимание на свое окружение, которое, конечно же, было наиболее ограниченным визуально. Среди прочего я заметил, что растительность меняла свой характер. Движущиеся растения исчезли, и повсюду виднелись странные наросты. Если бы они были разных цветов, то многие из них были бы самыми красивыми, потому что их формы были изысканными. Но все они были одного и того же бледно-голубого цвета и создавали впечатление нереальности происходящего, словно это были просто картинки, нарисованные на плоском синем фоне и слегка размытые. Некоторые были приземистыми, округлыми, как огромные мозговые кораллы, и больше походили на андское растение Яретта. Это странное древесное растение семейства сельдереевых, которое служит единственным источником топлива в высокогорьях Южной Америки. Другие были похожи на пористую губчатую массу. Другие возвышались, как гигантские канделябры. Мно-

гие из них, очевидно, были грибами, в то время как подавляющее большинство имело форму кораллов с тонкими ветвями. И я испытал настоящий шок, когда, пытаясь остановить свой стремительный спуск, я с грохотом налетел на их скопление, и они с резким металлическим звоном разбились и посыпались вокруг меня, как осколки стекла. Мгновение я сидел, уставившись на них. Это были кораллы! Неужели я сошел с ума или это было высохшее морское дно? Как пораженный, я осмотрел обломки и присвистнул. Эти существа были живыми. Это были не растения, а животные, скопления полипов, покрывающие скелетные основания, точно также, как у кораллов. Но вместо того, чтобы быть мягкими, желеобразными и слизистыми, как морские коралловые полипы, они были кожистыми, твердыми и лишь слегка влажными. Излишне говорить, что я рассматривал наросты с величайшим интересом. Вскоре я обнаружил, что некоторые из них были настоящими растениями, хотя по форме их было трудно отличить друг от друга. Многие были похожи на морские веера, морские удочки или Горгонии - гибкие, роговые, а не известковые. Я узнал мшанок, другие, несомненно, были гидроидами. Я даже обнаружил, что там водятся сухопутные губки, а среди корней более высоких растений и скал я наткнулся на Альционии- актинии, растущие на голом сухом склоне холма. К этому времени мои мысли были в таком смятении, что, если бы я увидел рыб, плавающих в воздухе вокруг меня, или осьминога, выползающего из-под камня, я бы не очень удивился. Это было самое замечательное, самое сказочное ощущение, которое я когда-либо испытывал, в точности как на дне моря. Как, почему, недоумевал я, случилось так, что формы животной и растительной жизни, которые мы считаем сугубо морскими, здесь оказались наземными? Если бы такие формы жизни были обнаружены на суше, какие формы обитали бы под водой в этой земной впадине? Конечно, я усмехнулся, подумав, что воды может и не быть. В таком случае я оказался бы в затруднительном положении. Но я был так сильно заинтересован своим окружением, пытаясь проанализировать причины такого шиворот-навы-ворот положения вещей, что совершенно не думал о своем будущем или о грозящей мне опасности. Очень возможно, решил я, что темно-синяя атмосфера во многом связана с этим вопросом.

Условия, в том, что касается освещения или, скорее, его отсутствия, были очень похожи на те, что существуют на значительных глубинах под водой. И я внезапно осознал это. На большой глубине - морская жизнь почти повсеместно флуоресцирует или светится, так почему бы ей не быть здесь, на суше? С другой стороны, - здесь было много предположений, - аномальный рост морской растительности вполне мог быть результатом того, что море высохло. Вполне возможно, что за века постепенного спада уровня моря морские растения приспособились к жизни на суше.

Только когда я задумался над этим, я начал вспоминать похожие примеры жизни на внешней поверхности Земли. Я глубоко сожалел о том, что не был квалифицированным зоологом, но, тем не менее, кое-что знал о истории развития природы. Я вспомнил, что читал статью моего друга-зоолога, в которой он описывал ряд видов морских червей, асцидий, кораллинов и даже несколько видов голотурий, которые были строго наземными. Я вспомнил, что обычные жуки-пилюли на самом деле были ракообразными, в основном морскими. Там было много видов кораллов, губок, гидроидов, которые находились в воде в течение длительного времени во время отлива и не ощущали вредного воздействия влажного воздуха, и в этом случае найти наземные кораллы, губки и морские водоросли было не так уж и сложно, как казалось раньше. И все же, размышляя я, возобновляя свое путешествие вниз по холмам, в стране, где кораллы заменили растения, а альционарии - овощи, среди позвоночных должны быть еще более удивительные формы жизни, если здесь вообще были позвоночные. Каким, должно быть, прекрасным полем для научных исследований это место! Как жаль, что Дарвин, Хаксли, Агасис - другие великие естествоиспытатели - не знали об этом странном мире! Какими убедительными доказательствами своих теорий и догм они могли бы располагать. Сколько можно было бы написать трактатов о влиянии окружающей среды на жизнь, о влиянии света, о выживании наиболее приспособленных и обо всем остальном!

Когда эти мысли промелькнули у меня в голове, я вскрикнул от удивления и резко остановился. Среди странных наростов рядом со мной двигалось какое-то крупное существо! В тусклом голубоватом сиянии скоплений кораллов и тысячелистников я не мог различить форму этого существа, а сияние его собственного тела только еще больше сбивало с толку. Я внимательно прислушался и отчетливо услышал, как оно что-то жует. Я очень осторожно подошел поближе и заглянул между коралловыми зарослями. Эта штука оказалась не такой большой, как мне показалось сначала. Она была размером с собаку породы сеттер, но, как я ни вглядывался, я не мог разобраться, что это было за существо.

Любопытство пересилило все остальные чувства, и, ободренный мыслью о том, что это существо, вероятно, никогда раньше не видело человека, я подбирался все ближе и ближе, пока, наконец, не смог ясно разглядеть зверя. И как только я это сделал, с моих губ сорвался возглас изумления. Никогда еще человеческие глаза не видели такого существа. Боюсь, это невозможно описать, но я попробую. В общих чертах я могу сравнить это с одним из тех игру-

шечных воздушных шариков в форме болонки. От него отходило множество тонких, похожих на щупальца отростков. На одном конце было несколько коротких крепких шей, каждая из которых несла пару мощных челюстей. На другом конце были плоские, похожие на плавники органы, расположенные в два ряда, а над всем этим располагался полукруглый вырост шестью и восемью огромными выпуклыми глазами, каждый из которых установлен на конце подвижного стебля. Каким бы невозможным, сверхъестественным ни казалось это существо, его действия были еще более сомнительными. Медленно передвигаясь с помощью некоторых из своих ног, похожих на щупальца, другие из этих отростков отыскивали коралловые веточки, отламывали их и, словно руки, подносили к челюстям, которые открывались и закрывались с машинальной регулярностью, в то время как глаза на стебельках на боевой рубке (если можно так это назвать). Он всматривался то в одну, то в другую сторону, словно выискивая самые лакомые кусочки. Это существо - я не мог заставить себя смотреть на него как на животное - работало с точностью и безошибочной периодичностью как какой-то механизм. Я почти мог представить себе, что это тело в форме сосиски было заполнено шестеренками, молоточками и колесиками, а за пультом управления находился разумный миниатюрный человек, а его руки лежали на рычагах и переключателях. Зачарованный, я наблюдал. Боже правый! Я подумал: если бы все формы жизни в центре земли были такими же причудливыми, как эта штука, что бы тогда ещё я там нашел? Какими были бы высшие существа, которые соответствовали человечеству? Пока я наблюдал за этим существом и за каждым его движением, и вы должны принять во внимание, что его нереальный внешний вид значительно усиливался из-за кажущейся плоскостности и отсутствия объема, до меня начал доходить истинный характер этого создания. Я внезапно осознал, что это была общественная форма жизни, в которой независимые индивидуумы объединялись в единое целое, и в котором отдельные организмы служили вместо органов. Каждый из отростков, которые я теперь видел, на самом деле был отдельным животным. Каждый из них был приспособлен для выполнения определенной функции и посвятил себя исключительно этой функции. Одни служили средством передвижения, другие - руками, третьи только и делали, что поглощали пищу. Группа существ на верху функционировала только как глаза, в то время как массивное тело, без сомнения, служило пищевым резервуаром, нервным центром, кровеносной системой и мозгом всего сообщества. Что за удивительное создание, без сомнения! Какое уникальное, как... Смутно я припоминал, что читал или видел нечто подобное раньше. Я ломал голову, пытаясь вспомнить это и внезапно меня осенило. Это была одна из тех морских медуз, которых обычно называют португальскими воинами! Теперь, когда я извлек это воспоминание из тайников своего сознания, все стало на свои места. Всемирно известный зоолог поймал одно из этих созданий с палубы корабля, и прочитал своим попутчикам интереснейшую и поучительную лекцию о чудесах этого радужно окрашенного существа. Он объяснил, что изысканно окрашенный мочевой пузырь служит поплавком и парусом, что тянущиеся за ним щупальца на самом деле представляют собой отдельных животных, каждое из которых выполняет определенную функцию - одни жалят, другие двигают все тело, третьи захватывают добычу - в точности так, как это делало странное существо передо мной. «Святые небеса! - Пробормотал я. - Неужели все, что находится в этой земной полости, является наземной формой морской жизни? Если...»

Какое-то движение, какой-то звук с моей стороны, должно быть, напугали странное существо. Оно внезапно перестало двигаться, глаза забегали по сторонам, челюсти перестали открываться и закрываться. Затем, словно свернутые пружины, свисающие ноги и руки подтянулись вплотную к телу, огромные челюсти втянулись в мясистые шеи, плавники вытянулись и забили по воздуху, и на моих изумленных глазах существо поднялось и улетело! На краткий миг я увидел это - чуть более светлое пятно в глубокой синеве, а затем оно исчезло.

Внезапно я почувствовал сильную жажду и острый аппетит. К счастью, я запасся компактной провизией, которой мне хватило бы на неделю. Но, к своему огорчению, я обнаружил,

что моя фляга была повреждена и была полностью пустой. И как только я обнаружил это, в горле у меня пересохло, и моя жажда резко усилилась. На склонехолма не было воды, и, охваченный ужасом из-за того, что нигде не могло быть пресной воды, и понимая, что, если бы она вообще существовала, я бы нашел ее у подножия холма, я поспешил вниз по склону так быстро, как только позволяла безопасность. Прежде чем я успел опомниться, я перемахнул через край пропасти, кубарем пролетел сквозь эту непроницаемую голубую пустоту и с оглушительным всплеском приземлился в воду.

Но вкус у меня во рту и резь в глазах не оставили сомнений в качестве этой жидкости. Это была соль! Соленый или более соленый, чем океан, и вдобавок со странным, ужасно неприятным привкусом. Я поднялся на ноги - глубина воды не превышала четырех футов, - смахнул с глаз соленую воду, выплюнул то, что попало мне в рот, и побрел вброд к берегу. Когда я добрался до галечного пляжа, множество существ разбежалось при моем приближении. Какими они были и на что были похожи, я не могу объяснить.

Все, что я мог различить, - это светящиеся объекты, разбегающиеся во все стороны, как крабы-скрипачи, выбравшиеся на берег. Как бы то ни было, меня совершенно ничего не интересовало, кроме моей жажды. Ужасно соленая и неприятная на вкус вода лишь усилила мое желание напиться, и, чувствуя, что где-то здесь должен быть ручей или источник, я как можно быстрее поспешил вдоль берега.

Глава 2. Любопытный документ

Исчезновение доктора Турлоу не вызвало особого ажиотажа в мире. Стоит известному банкиру, политику, коммерсанту, актеру, спортсмену, боксеру-призеру или даже известному мошеннику умереть или таинственно исчезнуть, и пресса тут же разнесет эту новость по всему миру. Этого хватит на несколько дней чтобы обсуждать новость. Но когда то же самое случается с каким-нибудь выдающимся ученым, этому событию посвящают, самое большее, колонку, и через несколько дней о нем забудут, и, скорее всего, ни один человек из тысячи не сможет сказать вам, кем был пропавший, что он делал и что изучал. Ученых считают в лучшем случае странными существами. Они выделяются из общего ряда и неподвластны тем же правилам, реакциям и поведению, что и обычные смертные. А когда ученый имеет привычку стремительно уноситься на край света, не оставляя после себя ни адреса, ни весточки о своем возвращении, общественность едва ли можно винить, когда она отказывается радоваться или даже интересоваться, когда отсутствие этого ученого длится месяцами. Итак, когда мой друг Турлоу внезапно исчез и в течение нескольких месяцев не поступало никаких известий о его местонахождении. Мало кто, за исключением его друзей и некоторых коллег-ученых, обратил на это особое внимание. Даже я не был особенно встревожен или удивлен, когда впервые прочитал о том, что Турлоу пропал из своего дома и из мест, где он обычно появлялся (этот абзац появился в новостях Эссошиейтид Пресс, напечатанных в мадридской газете ЭльТемпо, где я в то время находился). Я усмехнулся, вспомнив его последние слова, обращенные ко мне, и отметил про себя, что он наверное счастлив, отправившись в нору Холмса. И только когда я вернулся в Штаты после почти годичного отсутствия и обнаружил, что Турлоу все еще не найден, я понял, что он на самом деле исчез, как будто его поглотила земля. Это было три года назад, и с того дня и по настоящее время от него не было ни весточки, не было найдено ни малейшего следа ученого.

Никто не мог предложить разумного объяснения егоисчезновению, пока я не получил странную металлическую сферу, найденную плавающей в Карибском море и содержащую поразительный документ, написанный рукой Турлоу.

А теперь, объяснив, как ко мне попало это удивительное послание, и рассказав о событиях, которые произошли в тот последний вечер, когда я беседовал с ним, я изложу странную историю, которая была записана на этих плотных тонких листах внутри конверта.

«Получите вы это когда-нибудь или нет, остается загадкой, - писал он после нескольких слов приветствия. - Но поскольку я выпустил около дюжины контейнеров, в каждом из которых есть дубликат этого документа, и я надеюсь, что хотя бы один из них в конечном итоге попадет в ваши руки. Прежде чем я начну рассказывать о своем опыте и описывать свое нынешнее окружение, позвольте мне предупредить вас, что ни вы, ни кто-либо другой в вашем прежнем внешнем мире не поверит в то, что я напишу. Вам и остальным это покажется слишком диким и невероятным. Меня заклеят либо как маньяка, либо как аутсайдера и отъявленного лжеца. Но если скептики изучат контейнер и материал, из которого он изготовлен, а компетентные химики и металлурги проанализируют металл, я думаю, что они, по крайней мере, будут убеждены в том, что эти объекты не появились ни из одной известной точки на поверхности земли. Но, в конце концов, на самом деле не имеет большого значения, верит кто-то моим заявлениям или нет. Я здесь и, похоже, останусь здесь до конца своих дней, что, боюсь, продлится недолго, и только потому, что я осознаю тщетность любых попыток вернуться на поверхность земли, я прибегаю к этому средству общаюсь с вами, моим самым близким другом, и рассказываю вам и всему миру об удивительных открытиях, которые я здесь сделал.

Возможно, вы помните, что в тот последний вечер, на нашей встрече, я высказал предположение, что земля полая и заявил о своем намерении попытаться проникнуть внутрь. Ну,

вот я здесь! Как именно я сюда попал - не имеет большого значения. На самом деле, я и сам с трудом могу рассказать об этом. Все это было слишком сумбурно, слишком кошмарно, чтобы доходчиво описать, и, кроме того, я на значительное время потерял сознание. Я не знаю, как долго – так что на самом деле я и сам не знаю точно, что произошло. Самым важным фактом является то, что внутри земли есть пустота и она обитаема. Но кем!!

Прежде чем я попытаюсь описать этих невероятных существ, позвольте мне начать с самого начала и рассказать о моем опыте, впечатлениях и наблюдениях в том порядке, в котором они происходили.

Когда я пришел в себя, моим первым осознанным впечатлением был обширный, тусклый, голубоватый туман. Мне показалось, что я лежу на каменном выступе. Совсем рядом, в нескольких футах над моей головой, поднимался крутой скалистый склон и исчезал во всепроникающей синеве. С другой стороны такой же крутой склон исчезал в бездонной голубой пропасти. Это было так, как если бы я парил в пространстве самого невероятного размера. Позже я обнаружил одну особенность. Хотя сначала это произвело на меня впечатление тумана, вскоре я увидел, что никакого тумана нет, атмосфера была темно-синего, почти цвета индиго, который совершенно невозможно точно описать. Это было похоже на ясную темную ночь на далекой Земле, если вы можете представить себе такую ночь, когда чернота сменяется интенсивной синевой. Но даже в самые темные ночи есть немного света. Лунный свет, слабый свет звезд, тусклый свет неба. Но здесь не было никакого света, не было видно ни звезд, ни луны, ни неба. все же скалы вокруг меня были видны, я мог видеть свое собственное тело и конечности. Эффект был таким странным, что в течение нескольких минут я не мог думать ни о чем другом и остался сидеть на выступающем камне, разглядывая то, что меня окружало. Возможно, лучше всего я смогу описать этот эффект, сравнив его с картиной, написанной в одном из тех загадочно-сбивающих с толку монотонных синих цветов, на которых фигуры и другие объекты - просто тусклые, затененные формы более светлого оттенка. Последней особенностью, которую я неожиданно обнаружил, было то, что сделало его таким своеобразным. Моя одежда, моя кожа, скалы вокруг меня - все было голубым! Синий цвет разных оттенков - как на передержанной фотокопии, подумал я тогда, но каким-то образом создающий яркий эффект. Я поднялся и осторожно двинулся к скалистому склону. Мне хотелось побольше увидеть этот странный внутренний мир, и я понял, что для этого мне нужно подняться или спуститься по склону горы. Поднимаясь, я сделал поразительное открытие. Я уже говорил, что мне казалось, что я нахожусь в тумане, и, как в тумане, близлежащие предметы были видны, но блекли или расплывались во всепроникающей голубизне на небольшом расстоянии. И теперь, двигаясь, я с удивлением обнаружил, что туманная, более светлая сфера вокруг меня движется вместе со мной!

Это было в точности так, как если бы я нес фонарь в густом синем тумане. Когда я вытянул руку, сияние распространилось в том же направлении. Казалось, что мое тело излучает слабое свечение, как у светлячка. Я очень заинтересовался этим странным явлением. Я исследовал камни, и когда я обнаружил, что ни мое тело, ни моя рука - когда они находятся близко к камням или к моей собственной персоне - не отбрасывают тени. Когда я обнаружил, что ни один из предметов не имеет ни светлой, ни темной стороны, я, наконец, убедился, что свечение фактически исходит от меня самого и что такое же свечение исходит от скал. Достав из кармана нож, я бросил его на камень, лежавший в нескольких футах от меня. Место, где он лежал, было невидимо в глубокой темноте цвета индиго, но нож был отчетливо виден как голубоватый предмет, окруженный ореолом бледно-голубого оттенка. Я проделал то же самое с другими предметами, и всегда с тем же результатом. Все, независимо от своего состава, светилось и делалось видимым в этом странном, почти неосознанном месте. Эффект был еще более жутким, чем само место. Без каких-либо зон света и тени здесь не было никакого эффекта округ-

лости, никакого впечатления объема или толщины. Все выглядело двухмерным, плоским, как будто вырезанным из тонкой бумаги.

Расстояние тоже не оказывало никакого влияния. Я не мог сказать или оценить, находились ли камни на расстоянии шести дюймов или шести футов от моей руки. Насколько я мог судить, мои собственные ноги находились на расстоянии нескольких ярдов, и я громко рассмеялся над своими неуклюжими попытками дотронуться до собственных конечностей в определенном месте. Это было в точности так, как если бы существовало только два измерения, и на несколько мгновений я был почти убежден, что в этом примечательном месте нет третьего измерения, но вскоре я обнаружил, что это не так. Толщина ощущалась, даже если ее не было видно (или, лучше сказать это было заметно, когда смотришь прямо на объект), но при взгляде с другой стороны толщина становилась очевидной, и вскоре я убедился, что весь этот загадочный эффект был результатом излучения света самой материей. Это было интереснейшее научное открытие, и я удивился, что никогда раньше не задумывался о том, что при одинаковом освещении всех частей объекта, он теряет всякий эффект визуальной плотности.

Но открытие, что каждый объект - по крайней мере, каждый доступный мне в тот момент - излучал свой собственный свет, было настолько удивительным и озадачивающим, что полностью завладело моими мыслями, когда я вышел из своего скалистого убежища и осмотрел крутые склоны в радиусе моего свечения. Какое-то время я колебался: подняться мне или спуститься? Что же было там внизу, а что над тем местом, где я стоял? Но мне не потребовалось много времени, чтобы принять решение. Если бы я спустился со склона горы и ничего не нашел хотя бы воды, - мне пришлось бы подниматься снова. Кроме того, при спуске я в любой момент я мог наткнуться на невидимую пропасть и, таким образом, сразу же положил бы конец своим исследованиям. С другой стороны, если я поднимусь наверх и не найду ничего интересного там, я легко смогу снова спуститься, не упав в пропасть. Итак, медленно и осторожно я стал двигаться. Это было похоже на продвижение сквозь дымовую завесу. Я проверял каждый камень и поднимался все выше и выше. Я не знаю, как долго я шел. Мои часы остановились, и не было ни солнца, ни света, по которому можно было бы идти, но, насколько я мог судить, прошел примерно час, прежде чем я наконец достиг того, что оказалось вершиной. Во всяком случае, это был гребень, а на дальней стороне был второй крутой склон.

Рассудив, что я нахожусь в изоляции на вершине горы, окруженной бескрайним непроницаемым морем темно-синей атмосферы, я понял, что с одинаковой вероятностью найду что-нибудь интересное как в одном, так и в другом направлении, и начал спускаться по этому новому склону. Это было довольно легко. На самом деле трудность заключалась в том, чтобы спускаться не слишком быстро. Вскоре, когда я поскользнулся и заскользил вниз, я заметил признаки растительности. Я говорю «растительность», но какое-то время я не мог распознать в этих предметах именно растения. Действительно, сначала я принял их за какой-то вид гигантских светлячков. Как и все предметы, они излучали голубоватый свет и двигались медленно, словно ползая по камням. Часто они также оставались и как будто стояли на голове. По размеру они варьировались от нескольких дюймов до пары футов или даже ярда в длину, а поскольку они тоже казались абсолютно лишены толщины, то создавали поразительный эффект нереальности происходящего. Приложив немного усилий - поскольку было невозможно определить, на каком расстоянии они находятся от меня, - я сумел схватить один из самых маленьких и, к своему крайнему изумлению, обнаружил, что это растение! В этом не было никаких сомнений.

Это несомненно имело растительное происхождение. Там были корни, толстый и мясистый стебель с несколькими грубыми листьями, растущими близко к нему, с бутонem или семенной коробочкой - я не был уверен, что именно. Когда я держал странное создание в своих руках, оно извивалось и это вызвало у меня неприятное и отталкивающее ощущение. Его листья дрожали, стебель скручивался и изгибался, а на корнях я обнаружил крошечные при-

соски, которые цеплялись за мою руку и прилагали немалую силу, как будто пытались высвободиться. Я с удивлением наблюдал, как нечто, сидевшее на скале, довольно быстро удалялось с помощью своих корней, пока, достигнув расщелины, не встало дыбом и свернутые листья медленно не раскрылись.

Это было удивительное явление. Растение, которое обладало не только способностью к самостоятельному передвижению, но и разумом. И все же, продолжая свой спуск, я размышлял о том, почему бы таким растениям не быть здесь? Я вспомнил о чувствительных мимозах в тропиках, которые сворачивают свои листья и съеживаются при прикосновении или при приближении врага, реального или предполагаемого. Я вспомнил, как однажды, находясь в зоне Канала, я провел с ними целую серию экспериментов, как, прикоснувшись к одному и тому же растению повторно, не нанося вреда, я практически «приручил» ее, или, скорее, научил ее, пока она действительно не узнала меня и не позволила мне свободно «обращаться» с ней, не сворачивая своих листьев, хотя она мгновенно сморщивалась, если к ней прикасался другой человек. Фактически результаты этих экспериментов были изложены в монографии, которая в то время произвела настоящую сенсацию. И, в конце концов, был ли большой шаг от такого разумного растения, как тропическая мимоза, до растения, которое изо всех сил пыталось убежать, когда его держали? Я так не думал. Что касается способности растений двигаться, то эта способность меня не так уж сильно удивила.

Внезапно я резко остановился и в моем мозгу мелькнула дикая идея. Передвигались ли эти ходячие растения на земле быстрее, чем вьющиеся лианы? Неужели это было невозможно, ей-богу! Я воскликнул, это было не только возможно, но и логично, я бы даже сказал, фактично, что весь эффект происходил в моем собственном мозгу. Пришедший из внешнего мира и привыкший измерять время исключительно по общепринятым земным стандартам, основанным на вращении земли, или, как мы выражаемся, по солнцу. Мой менталитет, естественно, был приспособлен, можно сказать, к внешнему земному времени. Но здесь, во внутреннем мире, где не было солнца и где у меня не было даже часов, чтобы ориентироваться, все относительное время было полностью потеряно. Затем, еще более невероятная мысль осенила меня. Скорость вращения здесь, внутри земли должна быть меньше, чем на поверхности. Я понятия не имел, каков может быть диаметр этой полости, но я подсчитал, основываясь на многочисленных экспериментах, что ее внутренний диаметр должен составлять приблизительно две тысячи миль.

В этом случае (мой мозг теперь работал быстро) длина окружности составляла бы приблизительно шесть тысяч миль, тогда как внешняя окружность Земли составляла бы приблизительно двадцать четыре тысячи (я опускаю точные цифры, чтобы сделать мое объяснение более понятным и не запутать вас математическими вкладками). Другими словами, внешняя окружность была бы примерно в четыре раза больше внутренней, и, следовательно, один полный оборот сферы, на который потребовалось бы двадцать четыре часа, или скорость в тысячу миль в час на поверхности, в пределах земли, означала бы скорость всего в две тысячи сто пятьдесят миль в час! Все независимые движения внутри полости, измеряемые по внешним земным стандартам, были бы в четыре раза быстрее, чем на поверхности земного шара! На самом деле, позже я обнаружил, что сильно ошибся в своих расчетах, как я объясню позже). Это было поистине удивительное состояние, которое я совершенно забыл принять во внимание, когда делал свои расчеты и планировал свой вход в этот внутренний мир. Неудивительно, что мое падение было хаотичным и кошмарным! Удивительно было то, что я не был уничтожен полностью. При той скорости, с которой я двигался, я, должно быть, разогнался до скорости пули, когда достиг внутреннего пространства.

И конечно теперь, размышляя я, мои движения были не более быстрыми, чем раньше. Я реагирую на движения всего остального вокруг себя по сравнению с тем, что было бы на поверхности. Но мои глаза, мой мозг, натренированные, приспособленные, привыкшие к дви-

жению относительно неподвижных объектов, все еще функционировали в старом внеземном режиме. Все это было в высшей степени ново и увлекательно, и когда я снова возобновил свой спуск, мне очень захотелось связаться с Эйнштейном и узнать, задумывался ли он когда-нибудь об этом во время своих исследований и разработки своих теорий относительности.

Поглощенный размышлениями об этих новейших открытиях, я обратил внимание на свое окружение, которое, конечно же, было наиболее ограниченным визуально. Среди прочего я заметил, что растительность меняла свой характер. Движущиеся растения исчезли, и повсюду виднелись странные наросты. Если бы они были разных цветов, то многие из них были бы самыми красивыми, потому что их формы были изысканными. Но все они были одного и того же бледно-голубого цвета и создавали впечатление нереальности происходящего, словно это были просто картинки, нарисованные на плоском синем фоне и слегка размытые. Некоторые были приземистыми, округлыми, как огромные мозговые кораллы, и больше походили на андское растение Яретта. Это странное древесное растение семейства сельдереевых, которое служит единственным источником топлива в высокогорьях Южной Америки. Другие были похожи на пористую губчатую массу. Другие возвышались, как гигантские канделябры. Многие из них, очевидно, были грибами, в то время как подавляющее большинство имело форму кораллов с тонкими ветвями. И я испытал настоящий шок, когда, пытаясь остановить свой стремительный спуск, я с грохотом налетел на их скопление, и они с резким металлическим звоном разбились и посыпались вокруг меня, как осколки стекла. Мгновение я сидел, уставившись на них. Это были кораллы! Неужели я сошел с ума или это было высохшее морское дно? Как пораженный, я осмотрел обломки и присвистнул. Эти существа были живыми. Это были не растения, а животные, скопления полипов, покрывающие скелетные основания, точно так же, как у кораллов. Но вместо того, чтобы быть мягкими, желеобразными и слизистыми, как морские коралловые полипы, они были кожистыми, твердыми и лишь слегка влажными. Излишне говорить, что я рассматривал наросты с величайшим интересом. Вскоре я обнаружил, что некоторые из них были настоящими растениями, хотя по форме их было трудно отличить друг от друга. Многие были похожи на морские веера, морские удочки или горгонии - гибкие, роговые, а не известковые. Я узнал мшанок, другие, несомненно, были гидроидами. Я даже обнаружил, что там водятся сухопутные губки, а среди корней более высоких растений и скал я наткнулся на альционии-актинии, растущие на голом сухом склоне холма. К этому времени мои мысли были в таком смятении, что, если бы я увидел рыб, плавающих в воздухе вокруг меня, или осьминога, выползающего из-под камня, я бы не очень удивился. Это было самое замечательное, самое сказочное ощущение, которое я когда-либо испытывал, в точности как на дне моря. Как, почему, недоумевал я, случилось так, что формы животной и растительной жизни, которые мы считаем сугубо морскими, здесь оказались наземными? Если бы такие формы жизни были обнаружены на суше, какие формы обитали бы под водой в этой земной впадине? Конечно, я усмехнулся, подумав, что воды может и не быть. В таком случае я оказался бы в затруднительном положении. Но я был так сильно заинтересован своим окружением, пытаясь проанализировать причины такого шиворот-навы-ворот положения вещей, что совершенно не думал о своем будущем или о грозящей мне опасности. Очень возможно, решил я, что темно-синяя атмосфера во многом связана с этим вопросом.

Условия, в том, что касается освещения или, скорее, его отсутствия, были очень похожи на те, что существуют на значительных глубинах под водой. И я внезапно осознал это на большой глубине - морская жизнь почти повсеместно фосфоресцирует или светится, так почему бы ей не быть здесь, на суше? С другой стороны, - здесь было много предположений, - аномальный рост морской растительности вполне мог быть результатом того, что море высохло. Вполне возможно, что за века постепенного спада уровня моря морские растения приспособились к жизни на суше. Только когда я задумался над этим, я начал вспоминать похожие примеры жизни на внешней поверхности Земли. Я глубоко сожалел о том, что не был ква-

лифицированным зоологом, но, тем не менее, кое-что знал о истории развития природы. Я вспомнил, что читал статью моего друга-зоолога, в которой он описывал ряд видов морских червей, асцидий, кораллинов и даже несколько видов голотурий, которые были строго наземными. Я вспомнил, что обычные жуки-пилюли на самом деле были ракообразными, в основном морскими. Там было много видов кораллов, губок, гидроидов, которые находились в воде в течение длительного времени во время отлива и не ощущали вредного воздействия влажного воздуха, и в этом случае найти наземные кораллы, губки и морские водоросли было не так уж и сложно, как казалось раньше. И все же, размышляя я, возобновляя свое путешествие вниз по холмам, в стране, где кораллы заменили растения, а альционарии - овощи, среди позвоночных должны быть еще более удивительные формы жизни, если здесь вообще были позвоночные. Каким, должно быть, прекрасным полем для научных исследований это место! Как жаль, что Дарвин, Хаксли, Агассис - другие великие естествоиспытатели - не знали об этом странном мире! Какими убедительными доказательствами своих теорий и догм они могли бы располагать. Сколько можно было бы написать трактатов о влиянии окружающей среды на жизнь, о влиянии света, о выживании наиболее приспособленных и обо всем остальном!

Когда эти мысли промелькнули у меня в голове, я вскрикнул от удивления и резко остановился. Среди странных наростов рядом со мной двигалось какое-то крупное существо! В тусклом голубоватом сиянии скоплений кораллов и тысячелистников я не мог различить форму этого существа, а сияние его собственного тела только еще больше сбивало с толку. Я внимательно прислушался и отчетливо услышал, как оно что-то жует. Я очень осторожно подошел поближе и заглянул между коралловыми зарослями. Эта штука оказалась не такой большой, как мне показалось сначала. Она была размером с собаку породы сеттер, но, как я ни вглядывался, я не мог разобраться, что это было за существо.

Любопытство пересилило все остальные чувства, и, ободренный мыслью о том, что это существо, вероятно, никогда раньше не видело человека, я подбирался все ближе и ближе, пока, наконец, не смог ясно разглядеть зверя. И как только я это сделал, с моих губ сорвался возглас изумления. Никогда еще человеческие глаза не видели такого существа. Боюсь, это невозможно описать, но я попробую. В общих чертах я могу сравнить это с одним из тех игрушечных воздушных шариков в форме болонки. От него отходило множество тонких, похожих на щупальца отростков. На одном конце было несколько коротких крепких шей, каждая из которых несла пару мощных челюстей. На другом конце были плоские, похожие на плавники органы, расположенные в два ряда, а над всем этим располагался полукруглый вырост шестью и восемью огромными выпуклыми глазами, каждый из которых установлен на конце подвижного стебля. Каким бы невозможным, сверхъестественным ни казалось это существо, его действия были еще более сомнительными. Медленно передвигаясь с помощью некоторых из своих ног, похожих на щупальца, другие из этих отростков отыскивали коралловые веточки, отламывали их и, словно руки, подносили к челюстям, которые открывались и закрывались с машинальной регулярностью, в то время как глаза на стебельках на боевой рубке (если можно так это назвать). Он всматривался то в одну, то в другую сторону, словно выискивая самые лакомые кусочки. Это существо - я не мог заставить себя смотреть на него как на животное - работало с точностью и безошибочной периодичностью как какой-то механизм. Я почти мог представить себе, что это тело в форме сосиски было заполнено шестеренками, молоточками и колесиками, а за пультом управления находился разумный миниатюрный человек, а его руки лежали на рычагах и переключателях. Зачарованный, я наблюдал. Боже правый! Я подумал: если бы все формы жизни в центре земли были такими же причудливыми, как эта штука, что бы тогда ещё я там нашел? Какими были бы высшие существа, которые соответствовали человечеству? Пока я наблюдал за этим существом и за каждым его движением, и вы должны принять во внимание, что его нереальный внешний вид значительно усиливался из-за кажущейся плоскости и отсутствия объема, до меня начал доходить истинный характер этого создания. Я

внезапно осознал, что это была общественная форма жизни, в которой независимые индивидуумы объединялись в единое целое, и в котором отдельные организмы служили вместо органов. Каждый из отростков, которые я теперь видел, на самом деле был отдельным животным. Каждый из них был приспособлен для выполнения определенной функции и посвятил себя исключительно этой функции. Одни служили средством передвижения, другие - руками, третьи только и делали, что поглощали пищу. Группа существ наверху функционировала только как глаза, в то время как массивное тело, без сомнения, служило пищевым резервуаром, нервным центром, кровеносной системой и мозгом всего сообщества. Что за удивительное создание, без сомнения! Какое уникальное, как... Смутно я припоминал, что читал или видел нечто подобное раньше. Я ломал голову, пытаюсь вспомнить это и внезапно меня осенило. Это была одна из тех морских медуз, которых обычно называют португальскими воинами! Теперь, когда я извлек это воспоминание из тайников своего сознания, все стало на свои места. Всемирно известный зоолог поймал одно из этих созданий с палубы корабля, и прочитал своим попутчикам интереснейшую и поучительную лекцию о чудесах этого радужно окрашенного существа. Он объяснил, что изысканно окрашенный мочевой пузырь служит поплавком и парусом, что тянущиеся за ним щупальца на самом деле представляют собой отдельных животных, каждое из которых выполняет определенную функцию - одни жалят, другие двигают все тело, третьи захватывают добычу - в точности так, как это делало странное существо передо мной. "Святые небеса! - Пробормотал я. - Неужели все, что находится в этой земной полости, является наземной формой морской жизни? Если... "

Какое-то движение, какой-то звук с моей стороны, должно быть, напугали странное существо. Оно внезапно перестало двигаться, глаза забегали по сторонам, челюсти перестали открываться и закрываться. Затем, словно свернутые пружины, свисающие ноги и руки подтянулись вплотную к телу, огромные челюсти втянулись в мясистые шеи, плавники вытянулись и забили по воздуху, и на моих изумленных глазах существо поднялось и улетело! На краткий миг я увидел это - чуть более светлое пятно в глубокой синеве, а затем оно исчезло.

Внезапно я почувствовал сильную жажду и острый аппетит. К счастью, я запасся компактной провизией, которой мне хватило бы на неделю. Но, к своему огорчению, я обнаружил, что моя фляга была повреждена и была полностью пустой. И как только я обнаружил это, в горле у меня пересохло, и моя жажда резко усилилась. На склон холма не было воды, и, охваченный ужасом из-за того, что нигде не могло быть пресной воды, и понимая, что, если бы она вообще существовала, я бы нашел ее у подножия холма, я поспешил вниз по склону так быстро, как только позволяла безопасность. Прежде чем я успел опомниться, я перемахнул через край пропасти, кубарем пролетел сквозь эту непроницаемую голубую пустоту и с оглушительным всплеском приземлился в воду.

Но вкус у меня во рту и резь в глазах не оставили сомнений в качестве этой жидкости. Это была соль! Соленый или более соленый, чем океан, и вдобавок со странным, ужасно неприятным привкусом. Я поднялся на ноги - глубина воды не превышала четырех футов, - смахнул с глаз соленую воду, выплюнул то, что попало мне в рот, и побрел вброд к берегу. Когда я добрался до галечного пляжа, множество существ разбежалось при моем приближении. Какими они были и на что были похожи, я не могу объяснить.

Все, что я мог различить, - это светящиеся объекты, разбегающиеся во все стороны, как крабы-скрипачи, выбравшиеся на берег. Как бы то ни было, меня совершенно ничего не интересовало, кроме моей жажды. Ужасно соленая и неприятная на вкус вода лишь усилила мое желание напиться, и, чувствуя, что где-то здесь должен быть ручей или источник, я как можно быстрее поспешил вдоль берега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.